

Журнал "Работница"

№10, октябрь 1964

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Работница": №10, октябрь 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 40 с.

ISBN 978-5-458-45970-9

Журнал "Работница" - старейший женский журнал. Первый выпуск вышел 23 февраля (8 марта) 1914 года. Изначально журнал выступал как площадка для острых политических высказываний того времени. В 1914 году из 7 изданных номеров 3 были конфискованы полицией. В период с 1918 года по 1920 года выпуск издания был временно прекращено, с января 1923 года - возобновилась в Москве. Позже у журнала пропала политическая подоплека и "Работница" стала первым журналом для женщин. Журнал "Работница" обладает особым искренним и доверительным стилем общения с читателем, что обеспечило журналу тираж более 13 миллионов экземпляров.

ISBN 978-5-458-45970-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО!

Сорок семь лет. Целых сорок семь лет! А в сущности, минута в истории человечества.

Да, тогда, давно, задолго до семнадцатого года, революция в нищенской крестьянской России многим казалась невозможной. Но Ленин и его соратники знали: революция грянет, трудовой народ победит. Они знали это, создавая партию коммунистов; они знали это, находясь в ссылке, в эмиграции, в подполье; они знали это, когда готовили народ к решающим боям.

И Октябрь победил! Невозможное стало возможным.

Кажется, за те годы, что я живу на свете, уже давно можно привыкнуть к тому, что в нашей стране невозможное возможно.

Я видела, как начиналось строительство гидростанций в Заполярье и на Енисее, под Красноярском. Но когда в этом году я прилетела на одну из самых молодых строек — Саяно-Шушенскую ГЭС — и увидела, как мчится здесь зажаты между двухкилометровыми скалами совсем уже бешеный Енисей, мне показалось: нет, тут невозможно построить плотину. А накануне мы с делегацией белорусских писателей были в Шушенском. Там мы видели лампу Ильича — нет, не ту, не электрическую, уже давно ставшую символом лампочку Ильича. Мы видели стеклянную керосиновую лампу, при свете которой Владимир Ильич работал, стоя за конторкой, видели медный подсвечник, над которым колебалась пламя свечи, когда он читал, писал или мечтал. И, вспомнив это, я подумала: отсюда, от этого огонька, пошел свет по всей нашей стране.

И она будет, эта плотина, будет как один из самых дорогих памятников Владимиру Ильичу.

Иногда мне кажется, можно об этом и не писать. Зачем? Ведь за меня говорят укрощенные реки, зарево электрического света, говорят наши сверхмощные уральские экскаваторы — на моих глазах они грызли и отечественную породу и асуанский гранит, — говорят и белорусские «МАЗы», которые в любую погоду гоняют по головокружительному Усинскому тракту в Туву.

Да, за нас говорят созданные людьми новые моря и новые города с глазастыми зданиями школ и уютными домами, новые заводы, комбинаты. Но главное, говорят люди — их руки, их знания, их неустанный труд. Говорят и мои друзья на Кольском полуострове и в Туве, в Белоруссии и Красноярске, в Москве и Воронеже. Наверное, многие давно забыли обо мне. Но я их помню. Разве я могу их забыть — тех, с которыми встречалась, и тех, о которых писала в течение двадцати с лишним лет своей беспокойной писательской и журналистской жизни!

Сегодня я вспоминаю о каждой своей поездке, о каждой встрече и вновь и вновь думаю о том, как много сделал мой народ за эти сорок семь лет! Наперекор всему: голоду и холоду, празданской войне и интервенции, тяжким годам культа, фашизму, пытавшемуся поработить мою страну, наконец, наперекор многолетней «холодной войне». Я вспоминаю тех людей, которые боролись, чтобы невозможное стало возможным, и тех, кто сегодня трудится во имя коммунизма.

...Одна из первых запомнившихся мне встреч была давно, в 1927 году. Тогда мне было 8 лет. Я сидела в маленькой квартире, куда меня захватил с собой отец, и смотрела на очень старую женщину. Конечно, сейчас я уже не помню, о чем шел разговор. Только навсегда осталось в памяти прикосновение доброй и строгой руки к моим волосам и взволновавший меня рассказ отца о том, что Вера Николаевна Фигнер (это была она), в молодости блистательная петербургская красавица, 25 лет просидела в Шлиссельбургской крепости. Уже позже я поняла, что эту женщину, как и сотни, тысячи других революционеров, не испугали ни ссылки, ни тюрьмы, ни смерть, они боролись за счастье народа, хотя не всегда видели верную дорогу.

Единственно верная была указана Лениным. И этой дорогой победно идет наша Коммунистическая партия.

Не забуду встречи в обугленном Калининe, в котором, казалось, сам воздух еще пах пеллом. Повязанная платком женщина помешивала угли в печке и рассказывала мне о своей дочке — ласковой, доброй, уважительной. Это было в райкоме комсомола, и обе мы ждали секретаря. Женщина не знала, зачем он пригласил ее к себе. А она должна была ехать в Москву за посмертной наградой ее дочери — за Звездой Героя. Это была мать Лизы Чайкиной. Той самой Лизы, которая погибла, отстаивая свободу своей Родины, рожденной Октябрем, спасая мир от фашизма.

...С огромной гордостью прочла я сообщение в газете о том, что Любовь Викторовна Васильева, учительница Востряковской школы, Подольского района, о которой я когда-то писала в «Правде», избрана депутатом Верховного Совета СССР. Любовь Викторовна начинала с трудного: вокруг стояли разрушенные дома, земля была завалена обломками и мусором. И она со своими учениками вырастила не только сад, а целые поколения агрономов, садоводов, людей, влюбленных в землю. Я ездила туда совсем недавно и видела этот сад, который помнила маленьким. Любовь Викторовну я не застала — наверное, уехала куда-нибудь за новыми саженцами, а может быть, и по своим депутатским делам...

В этом году я впервые попала в республику, в которой все оказалось удивительным для меня, — в Туву. И природа, и невероятные озера — одни с горькой водой и горячим дном, другие с пресной водой и холодным дном, — и Енисей, который мчался под окнами нашей гостиницы, и, конечно, опять-таки люди.

В Кызыле, столице Тувы, я познакомилась с Байкарой Долчанмаа. Бывшая пастушка байского стада, теперь она президент республики. Уже потом мне рассказали, как эта храбрая женщина в упор застрелила двух медведей.

А недавняя встреча в Асуане с Лидией Андреевной Сухаревой, женой одного из заместителей главного эксперта плотины? Она приехала с мужем в Египет в числе первых восьми человек и выучилась говорить по-арабски, чтобы лучше понять и узнать этот народ. Сколько же их у нас, жен строителей, жен офицеров, которые самоотверженно делают с мужьями все тяготы переездов, не раздумывая, отправляются туда, куда посылает их мужья страна, партия!

Вспоминается встреча на Ниле с одним из наших рабочих. Я спросила его: «Как же можно жить при температуре плюс 47 градусов?» — и услышала предельно короткий ответ: «Жить здесь невозможно, а работать можно. Работаем же...» Всюду они работают, наши люди, — и при плюс 47 в Египте и при минус 47 в Сибири. Пока я размышляла об этом, нас с Лидией Андреевной окружили мальчишки, а египетские мальчишки также же, как и все остальные: горластые и озорные. И на вопрос о том, кем они хотят быть, единодушно отвечали: Дузиком. А Дузик — это наш экскаваторщик, который одним из первых получил награду от главы государства — президента Насера. Они не худо разбираются в людях, эти мальчишки.

Скептики! Я представляю ваши глаза, когда вы читаете эту статью. Вы хотите сказать мне, что я не замечаю недостатков? Нет, я вижу их, и я борюсь с ними, борюсь оружием, которое мне дано, — словом.

Но сегодня я хочу писать о тех людях, которых люблю. Моей родной Советской власти сорок семь! И сегодня я поздравляю с великим праздником всех друзей, всех подруг! Сегодня мне хочется особо поздравить таджичек, узбечек, туркменок, молдаванок. У них двойной праздник: Таджикская, Узбекская, Туркменская, Молдавская республики отмечают свое сорокалетие.

Мне повезло: я родилась в самой лучшей, самой справедливой стране. Я видела много счастливых людей, счастливых не «счастьем» безделья или богатства, а настоящим, трудным счастьем. А мы-то знаем, что это трудно — строить коммунизм. И мне хочется помолодеть, чтобы увидеть коммунизм!

И я верю: доживу, увижу!

С великим праздником, друзья!

Мария Михайловна Костеловская.

ДОБРЫЙ СЛЕД

Г. БОРОВАЯ, Т. КВИТКО

Ее часто просили:
— Пожалуйста, приезжайте к нам!

И Мария Михайловна Костеловская отправлялась в рабочий клуб, в общежитие, в школу... Встречи с молодыми людьми всегда доставляли ей несказанную радость. А для них в этих встречах оживало прошлое, знакомое им только по книгам, по кинофильмам. Ведь Мария Михайловна знала Владимира Ильича Ленина, была с теми, кто первым пошел за Ильичем, кто видел смысл своей жизни в борьбе за революцию, за Октябрь, за торжество ленинских идей.

С царской охранкой Мария Михайловна Костеловская впервые столкнулась в марте 1901 года, когда ее арестовали за участие в студенческой демонстрации. Ее зарегистрировали как лицо сугубо опасное для монархии и вместе с мужем, студентом Петербургского университета Поповым, человеком с точки зрения охранки тоже весьма неблагонадежным, выслали в Новочеркасск под надзор полиции.

Полиция усердно наблюдает за четой революционеров, и все же ей неизвестно, что они держат связь с Ростовским-на-Дону комитетом РСДРП, составляют тексты листовок и в своей квартире печатают эти листовки. Не знает она и того, что сюда приходят на нелегальные собрания социал-демократы. Долгое время ничего «предсудительного» за Костеловской и Поповым не замечала и полиция Екатеринодара (теперь Краснодар), куда они перебрались в интересах конспирации. И здесь Костеловская и Попов, пренебрегая опасностью, работают на грядущую революцию. Они создают социал-демократические кружки (на основе которых будет образован потом Кубанский комитет партии), устраивают нелегальную типографию, чтобы выпустить прокламации, хранят у себя дома партийную литературу.

Недолго прожили они в Екатеринодаре. Попова вскоре арестовали. После мучительных месяцев тюремного заключения он вышел из каземата тяжело больным. И вот Крымское побережье.

Ялта — это живительный воздух, море, солнце; это добрые глаза брата Попова — революционера и писателя Але-

ксандра Серафимовича; это глуховатый голос Алексея Максимовича Горького, читавшего на невинной в виду вечеринке свой рассказ «Тюрьма». И вместе с тем Ялта — это постоянно угрожающая опасность провала. Город невелик, каждый здесь на виду, а «гороховых пальто», тайных агентов охраны, полным-полно. Если бы они пронюхали, какими делами занимается госпожа Костеловская! В числе этих дел, выполняемых по заданию партии, был и сбор денег для пополнения партийной кассы.

Мать двоих детей, Костеловская понимала, что ждет ее в случае ареста, но иначе поступить не могла. Надо было всеми силами, как никогда до того, помогать революции. 1905 год. По всей России грозные сполохи забастовок, стачек, первых восстаний.

И когда ялтинская организация РСДРП послала Костеловскую делегатом на общекрымскую конференцию в Севастополь, она знала, что там придется не только дискутировать с меньшевиками: город моряков был охвачен час от часу растущими волнениями.

В те ноябрьские дни экипаж крейсера «Очаков», находившийся в Севастополе, готовился к вооруженному восстанию. С важным поручением от своего руководителя Шмидта пришла на конференцию делегация матросов-очаковцев. Восстание, сообщили они, начнется завтра. Сигналом должен быть поднятый на мачте корабля красный флаг. Матросы надеялись: партийная конференция поможет им добыть флаг. Большевицкая фракция заявила, что некогда заниматься такими пустяками.

— Флаг будет! — решительно сказала Костеловская.

Легко сказать — будет. Но где взять кумач, когда лавки уже заперты?

Вместе с несколькими матросами-очаковцами Мария Михайловна шла притихшими улицами. Насмерть перепуганный купчина сперва долго не открывал дверь. Потом, прислушиваясь к каждому шороху, отмерил кумач неожиданным покупателем. Не меньше перепуган был и хозяин портняжной мастерской; когда «заказчики» явились к нему.

Всю ночь стучала швейная машина. К рассвету флаг, огромный, аршинов на двадцать, был готов. Матросы бережно приняли из рук Марии Михайловны драгоценный сверток.

— Спасибо, товарищ!

Утром на «Очакове» взвился красный стяг.

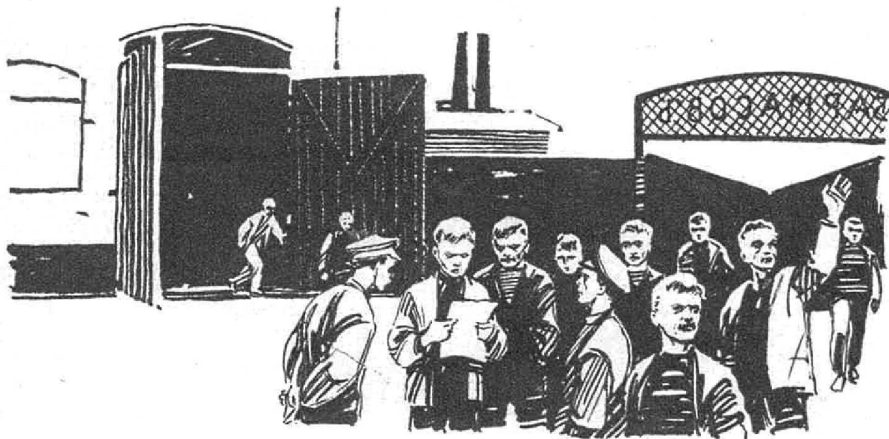
Поспешно стягивались к морю войска — эшелон за эшелон. Революционный корабль принимал неравный бой. А на суше, в Севастополе, шла другая битва. Юркие мальчишки — дети местных рабочих и рыбаков — шныряли среди солдат: «Дяденька, почитайте». И заскорузлые солдатские руки неприметно прятали за обшлага шинелей листки прокламаций. Писала их Костеловская. Печатали верные люди в местной типографии. Сколько солдат понял из этих листовок простую и страшную истину: их заставляют проливать кровь своих же братьев.

Придет час — они повернут оружие против настоящих своих врагов. А пока...

Гордый флаг «Очакова» был расстрелян. Царизм задушил восстание черноморцев. Но он бессилен был повернуть вспять историю. Несколько месяцев спустя Ленин писал в статье «Перед бу-

Рисунки Г. СУНДЫРЕВА и Ю. УСАНОВА.

рей»: «Все ближе надвигается новая волна.

Тяжелым и трудным путем идет русская революция. За каждым подъемом, за каждым частичным успехом следует поражение... после каждого «поражения» все шире становится движение, все глубже борьба. Все больше масса втянутых в борьбу и участвующих в ней классов и групп народа. На сторону революции становится все большая часть рабочих, крестьян, солдат, вчера еще бывших равнодушными или черносотенными. Одна за другой разрушаются те иллюзии, один за другим падают те предрассудки, которые делали русский народ доверчивым, терпеливым, простодушным, покорным, всевыносящим и всепрощающим».

Словами Горького закончил Ленин эту статью:

«Пусть сильнее грянет буря!»

Буря приближалась. 1917 год застал Костеловскую в Москве. Мартовским вечером встретились двое: Михаил Степанович Ольминский, член Московского бюро Центрального Комитета партии, и Мария Михайловна Костеловская. Беседа была краткой: нужна типография, сказал Ольминский, нужна непременно, во что бы то ни стало. Ольминский был уверен, что Костеловская справится с поручением: у нее достаточно находчивости и отваги. Вспомнить хотя бы, с какой изобретательностью и смелостью помогла она переправить за границу некоторых товарищей из большевистской фракции разогнанной Думы. Это было в Финляндии, в Куоккале, где жил тогда и Владимир Ильич Ленин.

Ольминский крепко пожал руку Костеловской:

— Полагаемся на вас.

— Постараюсь.

Первая попытка выполнить задание ЦК не удалась: помешали полицейские. Вторая увенчалась успехом. 25 солдат, пришедших с Костеловской, помогли завладеть крупной типографией Сытина. Считанные часы спустя Костеловская приняла из рук наборщика влажный оттиск первого «Бюллетеня Революции», который должен был возвестить всей России о начале великих событий.

«Бюллетень» выходил огромным тиражом. Печатали его круглые сутки, лишь ненадолго останавливая машины, чтобы остыли. Во все концы Москвы, на заводы и фабрики растекались пахнущие ти-

пографской краской кипы. Партия призывала народ готовить победу на новом этапе революции, раскрывала перед массами идеи великого учителя Ленина.

Наступил памятный день 3 апреля, когда Ильич вернулся в Петроград. Среди тех, кто встречал Владимира Ильича на перроне Финляндского вокзала, была и Мария Михайловна. Она слушала знаменитую речь, которую Ленин произнес с броневика, которую Ленин слушала членами Центрального Комитета, Петербургского комитета партии и большевистскими делегатами Всероссийского совещания Советов.

Обсуждение тезисов Ленина состоялось назавтра в Таврическом дворце. В числе других выступила Костеловская. Она рассказала, как рабочие Москвы «самочинно» брали в руки управление заводами и фабриками. Ленин одобрительно улыбался, жестами призывал: «Слушайте, слушайте!» Когда Костеловская окончила свой рассказ, он подошел к ней. Очень важно, заметил Ильич, чтобы на Седьмой Всероссийской партийной конференции она, Мария Михайловна Костеловская, была делегатом с решающим голосом.

Эта конференция, приняв Апрельские тезисы Ленина, определила генеральный курс Коммунистической партии, курс на победу социалистической революции.

...Кусочек хлеба величиной со спичечный коробок. Дневной паек рабочего. Осенним днем 1918 года Московский совет профсоюзов обсуждал самый жгучий в ту пору вопрос — продовольственный. На заседании присутствовал Ленин. Профсоюзы, потребовал он, должны включиться в борьбу за хлеб.

Возглавило эту борьбу Военно-продовольственное бюро Всероссийского и Московского советов профсоюзов. Шестьдесят тысяч человек — целую армию! — послало оно на продовольственный фронт. С мандатами, подписанными Лениным, один за другим отправлялись в южные районы страны отряды бойцов этого фронта. Первый отряд теплым напутствием проводил Ленин. И не раз Владимир Ильич приглашал к себе председателя Военно-продовольственного бюро, чтобы узнать, как идет борьба за хлеб.

Председателем бюро была Мария Михайловна Костеловская.

Она посылала людей добывать с ору-

жием в руках драгоценное продовольствие. Несколько месяцев спустя ей самой довелось взять в руки оружие.

Поначалу это казалось невероятным: ее, Марию Костеловскую, человека без воинского опыта, Центральный Комитет партии назначает начальником политотдела 2-й армии Восточного фронта! «Как понимать такое назначение?» — недоуменно спрашивала она в записке к Владимиру Ильичу. Ленин ответил, тоже запиской:

«Понимать так, как есть: решение ЦК. Времена военные. Все на наиболее трудное».

Дальше и дальше шли на восток красные бойцы. Шли, ломая вражеские заслоны, разбивая наголову оголтелые колчаковские орды. И всюду — в похо-

де, в сражениях — доносилось до них, удваивая силы, умножая отвагу, призывное слово партии. Поднимала их этим словом боевой комиссар Мария Костеловская.

...Промчались годы. И вот Костеловская в средневолжском степном краю. Здесь сухая, в трещинах земля, все сжигает, все иссушает горячий, не знающий удержу ветер.

Приезжала к колхозникам нездешняя, одетая на городской лад женщина — и сразу становилась своей, словно искони жила среди них. Что тянуло людей к Марии Костеловской, начальнику политотдела Пензяковской МТС? Ее душевная прямота, сердечность, пылкая вера в человека. Она говорила людям: все в наших с вами силах! Советская власть дала землю, технику. Приложим же руки, и жизнь пойдет по-новому. Она убеждала: как это можно мириться с безводьем, куда это годится, что в колхозе нет клуба, мыслимо ли, что в распутицу деревня отрезана от всего света?..

И вот строили клубы. Прокладывали дороги. Копали пруды, по два-три в каждом колхозе. А появилась вода — зашумели в степи сады, буйной зеленью покрылись огороды.

Тогда, в тридцатые годы, закладывали фундамент нового. Теперь новое — во всем, чем живет село. «След по следу дорогу торит», — говорят старики. Какой добрый след оставила на земле Мария Михайловна Костеловская!

Время неутомимо. Редует ряды тех, кто помогал Ленину, партии создавать первое в мире государство рабочих и крестьян. Умолкло прошлой зимой сердце старой коммунистки Марии Михайловны Костеловской. Но то, что было смыслом ее жизни, бессмертно. Миллионы борцов за полное торжество ленинских идей продолжают победный путь к коммунизму.

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Писательница Ирина Николаевна Левченко окончила две военные академии: бронетанковую и имени Фрунзе.

За боевые заслуги подполковник И. Левченко награждена тремя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

Ниже мы печатаем отрывки из нового романа писательницы «Неравнодушные», который полностью будет опубликован в журнале «Октябрь».

Ирина ЛЕВЧЕНКО

БЕСПОКОЙНЫЕ

...На Есене вздыбился лед.

Ветка с утра пораньше успела сбегать на протоку. Из всех времен года она больше всего любила весну. Не за теплеющее изо дня в день солнце, не за свежесть первых коротеньких ростков травы и маслянистую пахучесть раскрывающихся почек. Она любила наблюдать, как просыпается река. Поэтому любила не просто весну, а те весенние дни, когда начинает трещать скучный, посеревший лед и река, поднимаясь все выше, как бы делает глубокий вдох полной грудью, набирает силы. И вот наступает мгновение — все рушится с грохотом, скрежетом: пошел лед.

Говорят, есть поверье: кто увидит начало ледохода, к тому придет в этот год огромное, необыкновенное счастье. Сколько Ветка ни бегала на реку — она ведь выросла на Амуре, — ни разу не удалось увидеть самое главное — первое движение проснувшейся реки. Впрочем, это не беда. Какое еще нужно счастье, когда у Ветки все хорошо и удачно получается? Все, как задумывала. Мечтала о строительном институте — окончила, и даже с отличием. Очень хотелось в Заполярье и обязательно на Есень — чтоб в жизни оставалась большая река, — попала в Яруг. Комсомольская работа не планировалась, зато теперь, кажется, именно без нее никак невозможно прожить на свете.

В чем оно, счастье? В любви? В общем-то, конечно, наверное. Но сказать, что Ветка мечтала о любви, было бы неверно, — она несколько самоуверенно раз и навсегда решила, что всему свое время и если настоящая любовь есть на белом свете, она сама найдет Ветку, не может такого случиться, чтоб настоящая — и прошла мимо нее. Ветка ведь везучая, у нее все сбывается...

Ее, Ветку, кто-то должен найти сам и, как к Ассоль, прийти к ней из лазурной дали на алых парусах. Ну, пусть не на алых, пусть на обыкновенном теплоходе. В общем, придет и скажет: «Это ты — Ветка? А я-то думал, что такого имени и нет вовсе. И тебя нет. Думал, ты мне приснилась. А ты есть». И у Ветки вдруг рванется сердце навстречу, да так, что придется рукой придержать, чтоб не выскочило, и она подтвердит тихо-тихо, чтоб только он один слышал: «А я есть»...

И тогда... Ну, в общем, тогда начнется изумительная сказка о проснувшейся царевне. Ветка крепко уверовала в то, что все случится именно так, а не иначе, и потому не торопила к пробуждению свою спящую царевну любви.

Ветка могла стоять на берегу реки часами. Да времени не было. По утрам, до работы, только и выберешь минутку, чтоб забежать поздороваться с рекой.

«У Есени сегодня воскресник — очищается», — подумала Ветка и помахала льдинистому Есеню рукой. Оглянулась: не видел ли кто? Как будто нет. Ветка ободряюще, как доброму другу, кивнула реке: «Здорово работаешь! Мне тоже, понимаешь, очень некогда». И побежала скорее в горком по узкому проулку между двух высоких дощатых заборов — один лесокомбината, другой складов порта. Расштаннанные доскистойвой то глухо, то резко отбивали такт, будто пробежали Веткины каблучки молоточками по старому, дребезжащему ксилофону. Где-то зади скрежетал льдинами Есень.

Сейчас я должна немного рассказать о Ветке, о заполярном городе Яруге и о том, что там произошло. Виктория Батурина, Ветка, после окончания строительного института работала в маленьком городе Яруге на научно-исследовательской станции по изучению вечной мерзлоты. И вот ее выбрали секретарем горкома комсомола. Многими сложностями, удачами и неудачами были отмечены ее первые шаги, с нелегкими судьбами пришлось столкнуться. Но она сумела в будничных делах найти романтику. Летом над городом разразилась беда — грандиозный пожар, начавшийся на огромных складах лесоматериалов, перебрислся на деревянный город. Огонь бушевал семнадцать часов, лишил крова тысячи людей. Молодежь города отважно боролась с бедой.

Пожалуй, не совсем правильно будет сказать, что Ветка — главная героиня романа. В книге их много — и девчат и парней, молодых и отважных — наших современников. Среди них Григорий Нестеров, инженер-строитель; одним из первых прилетел он в Яругу на помощь строителям, потому что знал: сразу же после пожара комсомол города объявил строительство домов для погорельцев ударной комсомольской стройкой.

* * *

На стареньком, с потрескавшимся рыжим дерматином диване, уткнувшись носами друг другу в плечо, спят трое мальчишек. Толпа ребят и девушек окружила маленький столик у окна, где Ветка старательно расчерчивает большой помятый лист бумаги на ровные квадраты.

Сколько дел сразу обрушилось! Никогда и не думала, что может быть сразу столько дел, и все неотложные.

Создать бригады по тушению все еще тлеющих очагов пожара; девочки пришли из педучилища и из восьмой школы, хотят идти работать в столовую. Столовые переведены на трехсменную работу: своего штата не хватает. Девочки сами решили идти помогать. Совсем молоденькие девочки-школьницы, лет по пятнадцать. Ветка поглядела на одну из них — девчонка, руки тоненькие, ноги в тапочках голенастые. И вдруг рассердилась на вспыхнувшую жалость: глупости. Очень неверно делить комсомольцев на школьников и на просто комсомольцев. Раз вступил в комсомол — никаких скидок, все равные. Будет трудно? Гайдар в шестнадцать лет командовал полком и стал коммунистом, и спрашивали с него, наверное, как с любого коммуниста и командира.

Она сказала девчонке в тапочках: — Тебя в какую смену записывать? Девчонка ответила очень серьезно: — В какую надо. Я работать пришла. По погорелью бегают ребяташки. Ты и гляди провалитесь в невидные сверху еще горящие подполья.

— Ребята, кто здесь из штаба? — крикнула Ветка. — Надо организовать дежурства вокруг пожарища, чтоб никто туда не ходил. Тебя записать? И тебя? Отлично. Таня, сегодня обязательно передай по радио: «Комсомольцев города ждут в горькоме комсомола. Надо помочь городу справиться с тяжелыми последствиями пожара. Комсомольцы и молодежь, идите в горьком. Горьком комсомола работает круглые сутки».

Таня Синичкина добросовестно и с особым удовольствием выполнила Веткин приказ. Понизив голос, стремясь придать ему значительность, она объявила по радио: горьком работает круглые сутки — днем и ночью.

Объявлять такое ей очень нравилось. В этом «горьком работает днем и ночью» ей чудилось нечто похожее на суровое и романтическое: «Райком закрыт, все ушли на фронт».

В Яруге линия фронта проходила непосредственно через горьком комсомола, в это сразу и глубоко уверовали и Таня, и сама Ветка, и все ребята. В горькоме штаб. Настоящий штаб — живой и деятельный. И то, что штаб не может работать иначе, кроме как днем и ночью, казалось настолько само собой разумеющимся, что многие, услышав объявление, очень удивились: к чему объявлять, разве мы сами не знаем?

— Для тех, кто не знает, — пояснила Ветка. — Нас много, теперь станет еще больше.

Их и стало больше. Стало так много, что маленькие комнатки горькома не вмещали всех, кто приходил сюда и днем и ночью.

Особенно Ветка обрадовалась, увидев двух девушек, которые еще весной, на воскреснике, спрашивали у нее: мож-

но ли работать некомсомольцам? Ветка сделала вид, будто их не заметила. «Интересно, спросят, как тогда, или нет?»

Девушки не спросили. Просто подошли к Ветке и сказали требовательно: — Пиши нас в любую бригаду. Куда больше нужно, туда и пиши.

Ветка записала обеих в ночную смену в столовую на причале.

Сколько новых имен появилось в Веткин блокноте! Сколько запомнилось лиц! А люди все шли и шли и требовательно говорили Ветке:

— Пиши, куда нужнее.

Она записывала и думала: «Вот так, и никак иначе. Все вместе. Комсомол и молодежь города в одном ряду штурмуют беду!» Ветка подивилась рифме и тут же решила, что рифма пришла на ум от ритма жизни.

От напряженного ритма жизни под вечным солнцем полярных суток ночи не различишь, а с часами сверяться некогда: все, день и ночь — рабочий день, и его, двадцатичетырехчасового, не хватает.

Коротко полярное лето. Вскоре солнце все ближе и ближе станет прижиматься к земле. Настанет время — и, сверкнув однажды последним всплеском лучей, оно прижмется к тундре, и та, распахнув вечную свою мерзлоту, надолго захватит светило в темный плен. Лишь холодные полярные сияния нет-нет да и озарят колочую морозную темень.

Но колы зажегся огонек молодых сердец, он и во мраке полярной ночи будет светить пламенно и ярко. Это светило может поспорить с самим солнцем миллиардами градусов тепла и неиссякаемостью жизненной энергии, освещающей и согревающей простой и необыкновенный, скромный и величественный путь поколения в будущее. Поколения неравнодушных.

Ветка много думала о незакатном солнце неравнодушного своего поколения.

И похоже, что ее теория двух солнц нашла себе подтверждение в стенах Яругского горькома.

Днем и ночью сюда идут люди. И хотя такое множество народу в общем-то мешает работать, Ветка не возражает: пусть приходят, пусть шумят, пусть спорят, — важно, что ребятам хочется сюда приходиться, и хорошо бы, чтоб не оказалось в городе таких, кто мог бы пройти мимо.

Сюда приходят передохнуть после дежурства. Приходят те, кому рано на работу, а домой идти далеко и не очень-то хочется: в горькоме интереснее. Прикипели душой и сердцем ребята в эти дни и ночи к своему комсомольскому штабу.

Да и сам горьком — вернее, та его комната, где все живет, кипит, сердится и смеется, длинная комната общего отдела — преобразился. На дощатом столе не валяются кипы старых газет. Они свалены в углу, и на них удобно прикорнуть часок-другой. Стол же занят планами, графиками — делами живыми и насущными. Маленький столик у окна получил название громкое и торжественное: стол штаба.

Но самое главное в комнате — комсомольское знамя. Оно не зачехленное, не в углу кабинета первого секретаря, а здесь, развернутое, чуть склоненное над столом.

Знамя развернула Ветка. Как только объявили, что в городе начинается стройка и что стройка эта ударная комсомольская, Ветка стащила со знамени чехол.

— У нас сейчас боевое время. Может быть, никогда такого не было и не будет в нашем тихом Яруге. Пусть наше знамя будет с нами и мы с ним.

Древко заткнули за батарею. Тяжелый шелк знамени заслонил окно. Кто-то сказал:

— Ветка, света будет мало.

— Тем лучше. Солнце как сумасшедшее — печет и печет. Ну и вообще, кто сказал, что мало света? Светлее света, чем от знамени, не найдешь!

Идут в горьком ребята. У каждого есть тут дело, и каждому найдется работа.

Инженеры-строители Нина Ельцова с Григорием Нестеровым вернулись с участка будущего строительства. Ветка их заперла в своем кабинете, раздобыла где-то кусок ватмана: «Чтоб планировка участка была в самом лучшем виде, даже внешне. Инженеры мы или нет?»

Наконец чертеж готов.

Нина и Григорий внесли его осторожно, за уголки, на вытянутых руках.

Все, кто был в горькоме, кинулись к чертежу, но Ветка не позволила. А инженерам сказала:

— Сначала проверю, потом будете хвастать.

Нина обиделась. Григорий одобрил: — Правильно. Все всегда надо проверить и подсчитать.

Ветка уткнулась в чертеж...

— Хотите, я помогу? — предложил Нестеров.

Он сказал это просто, по-товарищески, и Ветка согласилась:

— Давай, вместе быстрее разберемся.

* * *

...А через месяц Ветка вела Нестерова на мерзлотную станцию, где она когда-то работала. Давно обещала, наконец выбралась.

Проходили через погорелье. Нестеров сказал:

— Печальная картина. Грустно жить и смотреть на это. Сейчас не замечаем. Стройка, волнения, заботы... Много новых людей прибывает. А вот когда построим, и все уедут, и хлопоты кончатся, скучновато будет, а?

— Что ты? Разве есть время скучать! — искренне удивилась Ветка. — Да у нас впереди, знаешь, сколько интересного! Здесь, — рука ее описала полукруг, — на погорелье, мы построим большой стадион. И разобьем парк. Мы ему уже имя придумали: Первый заполярный. Дороги, улицы во всем городе забетонируем, проложим водопровод, канализацию. Наша теперешняя стройка — что! Временное строительство. Могут тебе сказать по секрету: секретарь горькома партии в Москву едет, везет проект белокаменного Яруга. Вот это будет стройка! А потом у нас будет ГЭС. А потом... Потом мы еще что-нибудь придумаем. Еще развернутся в нашем тихом Яруге самые интересные и захватывающие дела!

— Придумщица ты.

— А разве плохо придумывать интересное? Я и сказки люблю.

Рисунки Н. ГОРДЕЯЧКА.

— Про что, про Ивана-царевича?

— Если и про Ивана-царевича, то про современного. А так про все. Про космические корабли, про межзвездные путешествия, про неведомые планеты...

Нестеров улыбнулся.

— Интересный ты человек, Ветка Батурина. И откуда ты такая взялась?

Ветка засмеялась.

— Откуда? А вот я сейчас покажу!— Она открыла дверь маленького белого домика, сказала полушутя-полуторжественно:— Милости просим в царство Снежной королевы.

Нестерову подали полушубок. Он запротестовал:

— В такую жару?

— Надевай, иначе не пустим вниз. Там полушубок в самый раз.

Спустились на несколько ступенек, толкнули дверь — влажную, холодную. Дверь захлопнулась за ними.

— Ого, пружина! — сказал Нестеров и, обернувшись, не узнал двери: вся в белых пупырышках изморози. И крутые ступени — чем дальше, тем обледенелее. Полушубок тут действительно в самый раз. Последняя ступенька — вся во льду.

Наконец они попали в довольно широкий и высокий подземный коридор. Со сводчатого потолка спускались длинные сосульки, сверкающие, переливчатые — как в сталактитовой пещере. Вдоль коридора — двери. На них цифры — 5, 8, 6.

— Это температура воздуха, вернее, земли в лабораториях, — сказала Ветка о цифрах. — Зайдем?

— Конечно.

Нестеров распахнул дверь, посторожился, пропуская Ветку. Но она подтолкнула его вперед, прошмыгнула следом.

— Двери полагается закрывать быстро. Иначе поднимется температура, — шепнула Ветка Нестерову. — Смотри. Вот здесь я работала.

Нестеров с любопытством огляделся. Лаборатория просторная. Заледенелый потолок поддерживают сваи-опоры. Столы, стеллажи, приборы.

— Ты сюда погляди, — зовет Ветка.

Он глянул и замер от восхищения: стена как вафля — серые полосы грунта перемежает блестящая, почти прозрачная, переливчатая под светом электрической лампочки ледяная прослойка.

Вот ты какая, вечная мерзлота!

— Удивительно! Строил я на ней дома, а в лицо ее никогда не видел, — сказал Нестеров.

Ветка смеется.

— Любуйся, сколько хочешь. Но не забывай: она коварная.

— Постой, ты сказала: «царство Снежной королевы». Это тоже сказка?

— Ну да. Когда я привожу сюда ребят на экскурсию, я им рассказываю сказку: вот мы входим в царство Снежной королевы. Она может быть доброй, может быть злой, нехорошей. Если с ней не уметь разговаривать, обращаться невежливо и без науки, она сердится и наказывает неучей. Помните, как в одном доме ушла вниз печка? Ну, это Снежная королева рассердилась, что так неумело поставили печку. А вот если мы разгадаем ее секреты, тогда она станет доброй и отдаст нам и золото, и уголь, и все, что хранит в себе. И тогда позволит строить дома дешевле, чем где-нибудь, потому что вечная мерзлота

может выдержать нагрузку в десять раз большую, чем обыкновенный грунт.

— Это зачем, для прочности вколотили? — спросил Нестеров, заметив, что из стены торчат бревна, толстые и тонкие.

— Нет. Они здесь были. Этим деревьям тридцать тысяч лет. Хочешь, я тебе отколю кусочек? Оттаишь, увидишь — дерево как дерево, очень хорошо сохранилось. Ты что так смотришь?

Он проговорил значительно:

— Любуюсь вечной жизнью!

Тонкая девичья рука на заиндевевшем бревне — сама жизнь, властная и живая, против промерзлой вечности. И вся Ветка — ее оживленное скуластое лицо, будто подсвеченное изнутри незримым светом, который нашел себе выход наружу в румянце щек и струящемся блеске глаз, ее волосы, теплого, золотистого оттенка, тяжелый полушубок с чужого плеча и плетеные туфельки на тонких каблучках, — вся она истинная дочь земли, не этой слоисто смерзшейся, а веселой и цветущей.

У него так и вертелось на языке: «Есть люди красивые, а есть прекрасные. Прекрасней тебя, яругская волшебница, я, кажется, еще не встречал». Отчего бы не сказать ей это? Очень даже можно. Сказки, таинственная подземная пещера со сверкающими в ярком электрическом свете причудливыми сталактитами, слюдяная слоистость мерзлоты и она, Ветка, — покорительница вечных стихий: огня и холода. С покорительницами только так возвышенно и полагается говорить.

На ее лице веселое удивление сменилось недоумением. Он понял — дальше молчание невозможно, и сумев скрыть свои мысли, не мог справиться со взволнованностью, когда проговорил:

— Вот ты какая, Ветка, Веточка! А я-то думал, что нет такого имени.

Ветка вздрогнула. Неужели?.. И тут же сама себя одернула: глупости и чушь, не бывает таких совпадений. Сказки придумывать никому не возбраняется, а в жизни выдумывать ничего не надо. Тоже мне принц из сказки: явился на самолете в тенниске и сандалиях. Полотенце и зубную щетку в Яруге покупал. На минуточку летел. Командировочный.

— Холодно, — сказала она, отдернув руку.

Он не сдавался, сказал решительно:

— Твои сказки удивительно действуют. Честное слово, мне захотелось остаться в Яруге навсегда.

Нестеров тут же пожалел о сказанном, потому что она ответила очень грустно:

— Это тебе так кажется. Многие говорят: насовсем. А сами уезжают. — Помедлила и докончила задумчиво: — Всем хочется больших дорсг.

— А тебе? Тебе разве не хочется? Она остановила его протестующим жестом.

— А разве у меня маленькая? — проговорила почти вызывающе. — А ну сложи все улицы и переулки Яруга, вытяни в одну линию — ого! — какая дорога! Сколько на ней радости, огорчений, промахов и побед.

— Маленьких побед, но есть...

Она опять нетерпеливо перебила: — Нет! Маленьких побед не бывает. Победа — это уже большое.

— Конечно, Виктория. Тебе ли не знать о победах, — улыбнулся он.

СТИХИ О РОДИНЕ

— И я знаю! — Она не соглашалась перейти на предложенный им шуточный тон, она утверждала свою дорогу. — Скажи: разве Митьку Гайдакина сделать человеком — маленькая победа? Еще какая победа! Победица. Потому что за человека.

— Здорово сказано! Запиши на свой «листочек».

— А что? И запишу, — рассмеялась она. — Вы меня все листочками поддразниваете. А я, может быть, когда-нибудь по ним всю свою жизнь прочту.

— Внукам?

— Почему нет? Пусть знают, как мы жили.

— Почему — мы? Ты же сказала, что листочки — твоя жизнь. Значит, личные, — полюбопытствовал он.

— Ну, не совсем. Пойдем наверх, ноги замерзли, — сказала она и подумала, что очень даже может быть — он прав. Потому что так хочется взять карандаш и записать на привычном листочке, заменяющем ей и дневник и задушевную подругу, что-то совсем личное, свое. В конце концов самолет не менее романтичен, чем допотопный парусник, пусть даже с алыми парусами.

Едва переступив порог горкома, Ветка бросилась к столу:

«Романтика — это вера в человека, в его силу, верность, благородство. Хорошо, когда на своей дороге встретишь романтику, воплощенную в конкретном человеке».

Ее большая дорога... Отчего это застряло и не уходит? Большие дороги. Где они, в чем? Неужели только там, где тысячи по комсомольским путевкам? Конечно, очень нужно, чтобы ехали тысячи и на целину и на стройки, но кто-то же должен остаться на месте, кто-то должен работать в тихих городах. Выходит, оставшиеся обеднены, выходит, их обойдет стороной величие эпохи? Она сказала: если собрать вместе все улицы и переулки Яруга, вытянуть их в одну линию, получится большущая дорога. Так ли? Длинная — еще не значит большая. Или все-таки большая? Чтобы понять, разобраться, она стала вспоминать. Как живет город, чем живут его люди? Она вспомнила о плотках, припавших с далекой Ангары, огромных плотках, в километр длиной, о том, как вручную вытаскивают люди толстенные бревна в три обхвата. О горе этих бревен, скапливающихся за короткое лето на бирже сырья. О том, как зимой, всю зиму рабочие в мороз и в метель отрывают от этой горы те же — в три обхвата — бревна, смерзшиеся и звенящие, как отпаривают древесину в огромных чанах и как слабенькие на вид девушки управляют пилорамой. И долгой полярной ночью, тоже невзирая на морозы и бураны, растет штабелный городок из отличных досок, чтобы летом зеленое золото русской сосны перелилось в дорогую валюту, на которую можно купить ценное оборудование, машины.

А ну попробуй на пронзительном ветру, в сорокаградусный мороз уложить штабель в шестьдесят кубометров, да так, чтобы по всем правилам: доска к доске! И горят, горят, не затухая, алые звезды лесокombината, путеводные звезды на большой дороге тех, кто живет и трудится в тихом городе на берегу Есены.

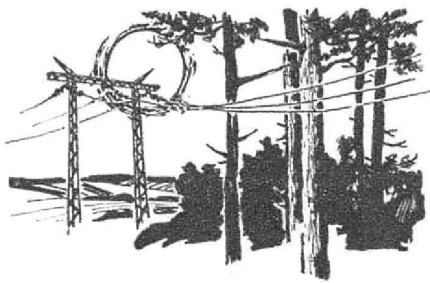
Татьяна СЫРЫЩЕВА

Стихи Татьяны Сырыщевой я впервые узнал в 1945 году. Уже тогда она была настоящим поэтом. По строфе можно было безошибочно угадать ее особый почерк, ощутить мир богатый и своеобразный.

Чистая и светлая любовь к Родине, дружба и кровная связь с ее людьми, преданность и верность отчей земле пронизывают лирику поэтессы.

Почти двадцать лет Т. Сырыщева создавала книгу, которую сейчас выпускает издательство «Московский рабочий». Это впечатляющий итог пережитого и написанного. Три стихотворения из этой книги печатаются ниже.

Александр МЕЖИРОВ

Моя родина. Клевером пахнут луга.
К далям синим подводят меня берега.
Близко дали. Я руку могу протянуть
И коснуться, и все же не кончится путь.
Моя родина. Мачты стальные пошли
Этой просекой, силу и свет понесли.
Осень смотрит с проселка глазами небес,
Украшает рябиновым бисером лес.
Моя родина. Речка лесная черна
И чиста. И такая над ней тишина...
Что как будто бы здесь не бывала война.
Моя родина. Блеск ледниковых озер,
Ветровой, расширяющий душу простор,
Каждый куст, каждый камень мне
чем-то знаком,
Все со мной говорит нечужим языком.
Моя родина...
В равнодушии не упрекай ты меня.
Я боюсь громких слов, как боится огня,
И не стану тебя уверять, что люблю,
Просто все, что придется,
с тобой разделю.

* * *

За большое сердце, ум и силу
Я из многих близких мне людей
Мать свою особенно любила
И нередко думала о ней:
Если б случай не связал нас кровью
И меня другая родила,
Я ее с не меньшею любовью
Все равно бы матерью звала.

Для меня всего дороже в жизни,
Счастье постоянное мое —
То, что я живу в своей отчизне,
То, что я родная дочь ее.
Помогают мне ее просторы,
Молчаливые глубины рек,
Мужество, сдвигающее горы,
На березах чистый вечный снег.
Если б детства моего начало
Я в другом увидела краю,
Все равно бы родиной считала
Я вот эту родину мою.

Я долго не знала

Я музыку, музыку молча ношу,
И ей уже много лет.
Я долго не знала, что я пишу:
Стихи это или нет.
Чтоб рифмы услышать, нужна тишина,
А я ведь почти не бываю одна.

В далеком лесу два ключа —
два зверька,

Дающие ток ручью,
Сражаются с тяжкою сыпью песка
За волю, за жизнь свою.
Посмотришь, как будто напрасен их труд,
Но эти ключи никогда не умрут.

Я часто теперь повторяю себе,
Исчеркивая тетрадь,
Что новые силы берутся в борьбе,
Что время нельзя терять
И тысячу раз в своем счастье права
Сквозь камни пробившаяся трава.

Рисунки В. РАССОХИНА.

По этой улице к каждой рабочей смене течет живая человеческая река. Привычно, степенно шагают ветераны. Озорно переключаясь, обгоняя друг друга, спешат к проходным парнишки и девчата — вчерашние школьники, выпускники технического училища. Сегодня они уже люди с профессией: слесари, сборщики, формовщики, столяры, кузнецы. Честь и хвала их рукам, умеющим резать металл, обрабатывать дерево, собирать корабли! Но не только в умении доблесть сормовича.

Умение, говорят, — дело наживное. А рабочая честь? Наверно, и это не природный дар.

...Кучка новичков жметесь к палисаднику, что напротив отдела кадров, и кареглазая девчушка (видимо, чуть более осведомленная или просто побойчее других) просвещает внимательных своих слушателей насчет четырех орденов, макеты которых висят над проходной.

Нет, она ничего не напутала. Орден Трудового Красного Знамени — награда заводу — «карсеналу молодой Советской республики»; орден Ленина и орден Отечественной Войны I степени — за трудовой подвиг военных лет; еще один орден Ленина — по случаю столетия завода.

Вот на каком заводе будут они теперь работать! Теперь — это через каких-нибудь час-полтора, как только получат долгожданные пропуска.

Чья-то рука в квадратном окошечке, чей-то голос: «Распишитесь вот здесь» — это один общеизвестный способ получения пропусков.

На «Красном Сормове» есть другой. Его точнее было бы назвать посвящением в рабочие.

В большом зале, кроме новичков, — руководители завода, представители цехов. Знакомятся, беседуют. Потом начальник отдела кадров вручает каждому заводской пропуск, а тем, кто уже успел хорошо зарекомендовать себя во время практики, еще и памятный подарок — рабочую форму или хорошую книгу: получай и навсегда запомни день, когда ты влился в многомиллионный рабочий класс страны.

Вот и началась у молодых трудовая биография. А может быть, она началась не сегодня, а намного раньше? В тот день, например, когда в школу, в классы пришли взрослые люди с завода и, как равным, сказали ребятам: «Давайте дружить!»?

Ударника коммунистического труда, бригадира формовщиков из фасонно-литейного цеха Аркадия Михайловича Шурыгина знают на заводе многие. А в 156-й школе его отлично знают все. И не только потому, что портреты Шурыгина и еще пятидесяти ударников-сормовичей вывешены на большом стенде в широком школьном коридоре. Аркадия Михайловича запомнили по первому его приезду в отряд имени Гайдара. Поговорил он с тогдашними семиклассниками о заводе, о товарищах своих рассказывал и предложил... соревноваться.

К следующему разу явился уже не один, а с делегацией от бригады: договор привезли. С тех пор около двух лет прошло, и сейчас тридцать с лишним старших классов соревнуются с бригадами фасонно-литейного цеха.

Теперь о своих успехах за каждую

четверть школьники не только перед родителями отчитываются, а еще и шефам своим рапортуют.

«47 домов нашего поселка завоевали почетное звание «Дом без двоек»... Создали дружину «Юный друг милиции»... Озеленили территорию детсада... Собрали 20 тонн металлолома...» — читаем в рапорте ребят.

«Сейчас в цехе 27 бригад коммунистического труда, — сообщают своим подшефным фасоннолитейщики. — Экономический эффект от рационализации и изобретательства — 13 тысяч рублей...»

Если завтра или даже через год-два тебе работать рядом с таким другом школы, как Аркадий Михайлович, — разве не почувствуешь ты прямо-таки потребности заниматься лучше, чтоб не краснеть перед ним! Если сегодня, хоть ты еще школьник, только разряд получил, тебя поставили к станку — настоящему станку в настоящем цехе — и сказали: сможешь работать хорошо — будет станок всегда, и после школы, твой, — разве позволишь ты себе филонить! Если тебя, восьмиклассника, принимают в комсомол и комсомольский билет вручают не в райкоме, а в зале заводского Дворца культуры, на таком почетном собрании, где сидят одни передовики и ветераны «Сормова», и самый старший из них — седоусый орденосец, у которого один партийный стаж равен трем твоим жизням, если он кладет на твое плечо жилистую свою руку, — разве не захочется тебе сделать самое невозможное, только бы оправдать эту честь, чтобы стать, как он, коммунистом!

Если тебя избрали в комсомольское бюро — нет, не в классное, а в бюро комсомола фасоннолитейного цеха (их представители тоже есть в школьном комитете) — и тебе доверено вместе с лучшими рабочими парнями заниматься и «комсомольским прожектором» и другими серьезными делами, — разве не вырастешь ты в собственных глазах, и ты и школьные твои товарищи: значит, не мальчишек и девчонок видят в вас старшие, а своих помощников.

Нет, не в день получения пропуска начинается у большинства молодых сормовичей трудовая биография: истоки у нее, как видно, более глубокие. Своими корнями уходят они в традиции завода, которыми дорожат и старые и юные.

Богато «Красное Сормово» рабочими династиями. Чуть не в каждом цехе и отделе встретишь Ляпиных, Колесовых, Чнеговых, Третьяковых, Кузнецовых, Кукушкиных... Вот Чнегов. Главу этой фамилии Алексея Михайловича вспоминают человеком необыкновенно дисциплинированным и точным: по нему, говорят, часы в конторе сверяли.

Давно нет в живых Алексея Чнегова, уже не монтирует суда и сын его Андрей, ушедший на пенсию. А внуками старший Чнегов мог бы гордиться. И первоклассной сварщицей Катей (она теперь Екатерина Андреевна Шишкина) и отличной наметчицей Тamarой (по мужу — Воробьевой). Судами на подводных крыльях несколько лет занимался Валентин, и сейчас с ними связан Леонтий. На «Красном Сормове» выросли и остальные внуки Чнегова: Геннадий, Виктор, Леонид. А в школе уже гото-

ШАГАЕТ СМЕНА ПО УЛИЦЕ БАРРИКАД

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

вится стать сормовскими рабочими новое поколение Чнеговых.

Между прочим, о пунктуальности старого Чнегова я услышала, когда его приводили в пример молодому парню, которого ни дисциплинированным, ни точным пока не назовешь (в многотысячном коллективе есть, к сожалению, и такие).

Зовут его Николаем Павловым.

* * *

...Кольку избили хулиганы. Навалились трое или четверо на одного и нещадно колотили — по спине, по ногам, по голове. За что? Да так. Видно, спяну. Конечно, Колька тоже в долгу не остался. Одному пинка хорошего дал, другой придет домой — зуба не досчитается, третий... Словом, еще раз не полезут.

А сегодня у Кольки новая беда: отравился. Видно, съел что-то несвежее. Живот болит — спасения нет, и голова на части разламывается. Пошел в медпункт, попросил, чтобы в поликлинику отправили, на обследование.

Да, на днях еще история была: с отцом чуть не до кулаков дошло.

Отец пришел домой — лыка не вяжет, и ну к матери придирается. Мать молчала-молчала, да не вытерпела, чертыхнулась. Разъярился отец, замахнулся на жену.

— Не смей мать трогать! — вскопчил Колька и сжал запястье отцовской руки так, что пальцы побелели...

В общем, не жизнь у Кольки, а сплошные неприятности.

Правда, если по-честному, хулиганы на него не нападали. Это он придумал сам. В тот день страшно не хотелось идти на работу. Чуть не до обеда провалялся в постели. Потягиваясь под одеялом, соображал, чем оправдать прогул, — и вот придумал. Обмотает голову бинтом и пойдет на завод. Только не в цех, а к Славе Кожирнову, в комитет комсомола.

Кольке нравится секретарь комитета. Дельный такой, не трепач. Это он в по-

Рабочая смена шагает по улице Баррикад. На переднем плане группа рабочих фаннолитейного цеха завода «Красное Сормово».

Фото В. БОРОДИНА.

запрошлом году устроил Кольку в судокорпусный цех учиться на слесаря.

— Посылаем,— говорит,— тебя в лучшую бригаду. Там тебя человеком сделают. Смотри, если подведешь...

Конечно, такое ценить надо: перед этим сколько отделов кадров обходил — нигде не взяли. Одни отказывали сразу, лишь заглянув в метрику: «Не можем принять несовершеннолетнего».

Других не столько Колькины пятнадцатилетние смущали, сколько бумажка: «Воспитывался в детской исправительно-трудовой колонии».

А Слава хлопотал за него так старательно, что не устояли ни отдел кадров, ни администрация цеха.

Идти к Кожирнову с перевязанной головой было и соблазнительно и неловко. Соблазняла возможность предстать перед секретарем в новом свете: участником (и жертвой и героем!) такой истории, в которую и самому вдруг захотелось поверить. Опять же — застраховаться на случай, если возникнут сомнения у цехового начальства. А вот врать было неловко... Но ведь в конце концов могло же произойти такое? Могло. Не ахти уж какую небылицу он сочинил.

И Колька, отбросив колебания, поднялся в комитет...

— Это ты молодец, что в обиду себя не даешь,— похвалил секретарь «героя», выслушав его рассказ. Потом подошел к нему поближе, остановился — глаза в глаза — и... не спеша стал разматывать бинт с Колькиной головы.

В истории болезни Николая Трофимовича Павлова отравления тоже не зафиксировано. Правда, в медпункт в этот день он действительно обращался и, поскольку жаловался на живот, направление в поликлинику получил.

Что делал мнимый больной остальную часть дня, известно только приятелю его, Герке.

Схватка с отцом... Это уж честно: была такая схватка. И не первая. Все из-за отцовых выпивок. Здесь и ищи одну из причин всех Колькиных злоключе-

ний — от тех давних, школьных, что привели его в исправительную колонию, и до нынешних, которыми закрепил он за собой репутацию неисправимого.

Да, так и называют его все, с кем ни заговоришь: «неисправимый», «неподдающийся».

Неужели таким и останется?

На «Красном Сормово» десятки людей беспокоятся о том, чтобы этого не случилось.

— Или тебе не хочется хорошим человеком быть? — У Александра Степановича Шумилина, который пришел в дом Павловых и обращается с этим вопросом к Николаю, седые гладкие волосы и лицо в глубоких морщинах.

Колька, упершись глазами в пол, говорит с гостем хмуро и чуть обиженно:

— Ну, хочется... А чем я хуже других?

Ах, вот даже как! Он, которому в марте ничего не стоило целую рабочую неделю прокататься на лыжах, а в июле восемь рабочих дней пролежать на пляже, считает себя «не хуже других»!

— Да как же ты можешь?... Да где же совесть твоя! — Голос у Александра Степановича глухой и прерывистый; говорит он, кажется, совсем не те слова, которые собирался сказать... Сам он, Шумилин, полвека назад пришел на завод мальчишкой. И мозоли кровавые на узких своих ладонях натурал черт знает для чьего кармана. Но, как человек рабочий, как представитель трудового рода-племени, позволить себе не мог от дела отлынивать. А если б по молодости и позволил, так моментом оказался бы за воротами.

Как же к родному-то своему заводу, который, не задумываясь, зовешь не иначе, как «мой», «наш», как же к нему-то можно относиться так неуважительно?

— Скажи, а что ты знаешь о нашем заводе? Знаешь ли ты, чью честь мареешь легкомысленным своим поведением?

— Ну, первый советский танк построили у нас на заводе,— неохотно поговорил Николай, по-мальчишечьи теребя пальцами бахрому скатерти.

— Уточню: по личному заданию Владимира Ильича Ленина строили этот танк,— замечает Шумилин и неожиданно ловит на себе удивленно-восторженный взгляд своего собеседника.

— Первый корабль на подводных крыльях — тоже наш,— продолжает Павлов.— И на воздушной подушке... И этот, как его... дизель-электрический паром... Да мало ли чем первым завод прославился...

— А заметил ли ты, по какой улице к заводу каждое утро ходишь?

— Ну, по улице Баррикад...

Эх, Павлов, Павлов, беспечный ты человек! Тебе-то боевое слово «баррикады», может, ничего и не говорит. А ведь в нем — кровь и мужество, в нем революционное прошлое Сормова, его героизм и слава.

В Нижнем Новгороде это были первые баррикады. Они преградили путь конным жандармам, прибывшим из города для подавления забастовки, и означали, что в пролетарское Сормово пришла первая русская революция. Мемориальная доска на здании школы — памятное тому свидетельство.

Останавливался ли ты когда-нибудь, Колька Павлов, на углу Коминтерновской и Баррикад? Там напоминание о днях другой революции — Октябрьской, социалистической. Надпись на доске гласит: «Здесь в 1917 году помещалось Сормовское бюро Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов». Пройди по Коминтерновской к «Гастроному». «Штаб вооруженного восстания» — прочтешь на дощечке, прикрепленной к стене. А на ДOME пионеров имени Петра Заломова — «Штаб Красной гвардии»...

Что в этих надписях, в названиях улиц? Память о мужественном нашем прошлом? Да. Но не только! В них — наша верность идеалам, за которые боролись лучшие люди старших поколений. Свободный, вдохновенный труд — один из этих идеалов.

Ты никогда не думал, Николай Павлов, что такое свободный труд? Что за это великое благо люди сражались на баррикадах? И что рабочая честь и гордость не просто громкие слова? Если неведомо человеку понятие рабочей чести — не узнать ему и самой большой радости, какая возможна: «Вот посмотрите, люди, что я сделал для вас своими руками!» Не лишай же себя этой радости, Колька!

Видимо, пройдет еще немало времени, в дом Павловых еще не раз постучатся и коммунист Шумилин, и комсомольский секретарь Слава Кожирнов, и цеховые Колькины наставники, прежде чем слова о рабочей совести и чести приобретут для нынешнего «неисправимого» их настоящий, высокий смысл. Но верю, так будет! Отступать перед «трудным случаем» общественники завода не собираются.

* * *

...Вдоль зеленой улицы Баррикад течет живая человеческая река. Идут сыны, внуки, правнуки солдат революции — идет рабочая смена.

Во Дворце спорта встретились молодые москвичи и делегаты форума. Слова «мир» и «дружба» не требуют перевода...

Делегатки форума от Уганды. Слева — Элизабет Кьюнги.

Интервью «Работницы»

ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ

На фоне земного шара пылающий факел с пятицветным пламенем — символ единства юношей и девушек пяти континентов. Это эмблема Всемирного форума солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир. В сентябре этого года в Москву приезжали посланцы 126 стран мира. Они обсуждали проблемы, волнующие сейчас молодое поколение планеты: вопросы борьбы против империализма и колониализма, за разоружение и мир.

На форуме решено было провести Международный суд общественности над Фервурдом, главой расистского правительства Южно-Африканской Республики, обвиняемым в тягчайших преступлениях против человечества. Начал свою работу Международный следственный комитет.

Девять дней работал форум. И вот уже позади дискуссии, жаркие споры, поиски общих решений.

Всемирная ассамблея юных с огромным единодушием приняла важнейший документ международного молодежного движения — декларацию форума.

«Мы полны сил и решимости бороться со всеми врагами мира, свободы и человеческого достоинства», — говорится в Декларации. — И во имя этих великих целей мы сделаем все, чтобы форум помог нам теснее сомкнуть ряды, укрепить солидарность молодежи всех континентов, выступающей против национального и социального гнета, против сил империализма и войны... Участники форума обращаются к молодежи и студентам мира с призывом не жалеть сил для борьбы за обуздание атомных маньяков, милитаристов, за достижение новых международных соглашений, которые привели бы мир к ослаблению и предотвращению угрозы термоядерной катастрофы...

Мы решительно поддерживаем принципы мирного сосуществования, которые создают для угнетенных народов новые благоприятные условия в их борьбе за национальную независимость. Мирное сосуществование стимулирует также рабочее движение и демократические силы капиталистических стран в их борьбе за прогресс».

Наш корреспондент В. Резниченко обратился к участницам форума с просьбой рассказать о борьбе и жизни молодежи своих стран.

Читательницам «Работницы»

Я приветствую женщин Советского Союза, страны, с которой я познакомилась в первый раз. Она произвела на меня огромное впечатление: коммунистическое общество, которое вы сейчас строите, — это идеал всех народов мира.

Мир и дружба!

ЗОХРА. Алжир.

les femmes de "TRAVAILLEUSE"
Je salue les femmes de l'Union Soviétique
pays que je découvre par la jeunesse
forte et qui ne laisse de impressions
Et quand on se souvient que
vous êtes tous et tous en train de
faire et de se l'idéal de
Tous les peuples du monde

М И Р И Д Р У Ж Б А

Zohra Algérie

Каукаб АБДУЛЛА (Бахрейн)

Я приехала в Москву из Бахрейна, небольшого государства на островах в Персидском заливе. С давних времен наша страна находится под британским господством, пять военных баз построили империалисты на нашей территории. Но народ Бахрейна неустойчиво борется против колониализма и внутренней реакции, за свободу и независимость.

Я член Национального фронта освобождения Бахрейна, возглавляющего борьбу бахрейнского народа за лучшее будущее. Работать приходится в тяжелых условиях, в подполье. Многие мои товарищи томятся в тюрьмах. Но, несмотря на все преследования, наше движение крепнет и развивается.

Ислам — господствующая религия в нашей стране — запрещает женщине участвовать в общественной жизни. Она может заниматься только домашним хозяйством, семьей. И все же наперекор исламу многие бахрейнские женщины, мои подруги, вместе с мужчинами принимают участие в национально-освободительном движении, в работе нашего фронта, выполняют важные поручения.

Что сказать о Всемирном форуме? Мы считаем, что он принесет огромную пользу движению молодежи всего мира, борющейся за национальную независимость, освобождение и мир. Мы должны быть едины в этой борьбе. Верим, что решения форума помогут нам.

С детских лет я мечтала побывать в Советском Союзе, и вот сбылось! Я много слышала о вашей стране, радовалась ее успехам в строительстве новой жизни.

Здесь, в Москве, я вижу, с какой теплотой и сердечностью относятся советские люди к представителям угнетенных народов. Мы высоко ценим помощь, которую оказывает СССР национально-освободительному движению. Знаем: Советский Союз — лучший друг арабов, и никогда не забудем вашей поддержки Египту во время англо-франко-израильской агрессии в 1956 году.

Спасибо москвичам за необычайное радушие, с которым они нас приняли.

Салли МИТЧЕСОН (Великобритания)

На форуме я, английская школьница, представляла британскую Молодежную кампанию за ядерное разоружение. В нашем движении участвуют люди самых различных профессий и политических убеждений. Но цель одна: мы хотим, чтобы наша страна была свободна от ядерного